

посоль въ Петербургъ, сэръ Хамилтонъ Сеймуръ, котораго Николай такъ неосторожно старался убѣдить въ безнадежности положенія „больного челоѣка“, какъ кажется вѣрно прочелъ въ сердцѣ Царя, замѣтивъ, что „не можетъ быть сомнѣнія, что государь, настаивающій съ такимъ упорствомъ на томъ, что сосѣднее государство—на краю гибели, рѣшилъ про себя, что насталь часъ не ждать распаденія этого государства, но вызвать его“¹⁾. Есть основаніе думать, что вызрѣвало такое рѣшеніе въ душѣ Николая задолго до времени подготовки Крымской войны (время его собесѣдованій съ Сеймуромъ). Меттернихъ въ 1828 г. даетъ такую формулировку цѣлей, преслѣдуемыхъ русскимъ царемъ на Востокъ: „онъ хочетъ не смерти ея (Турціи), но разоренія (guine); онъ не собирается завоевывать клочки ея территории въ Европѣ; ему надобно бы было надѣяться на полученіе цѣлаго или большей части для того, чтобы стоило взяться за это предпріятіе. Итакъ, мы не склонны думать, чтобы въ настоящій моментъ Императоръ могъ стремиться къ территориальнымъ приобрѣтеніямъ, которыя были бы только въ ущербъ Княжествамъ“²⁾. Скорѣе Николай будетъ пытаться разорить Турцію наложеніемъ на нее непосильныхъ для нея денежныхъ обязательствъ³⁾. Какъ бы то ни было, Меттернихъ не закрываетъ глазъ на то, что не обезпеченіе русскаго вліянія въ Турціи, но наслѣдованіе Турціи въ Европѣ составляетъ конечную цѣль стремленій Россіи. Замѣчательно, что Мюнхенгрецкая конвенція заключена непосредственно вслѣдъ за Ункіарь-Скелесскимъ договоромъ; а эта конвенція, какъ извѣстно, уже предусматриваетъ для Турціи возможность финальной катастрофы—и врядъ-ли Ункіарь-Скелесскій договоръ даже въ моментъ его заключенія представлялъ собою предѣлъ и вѣнецъ желаній Николая Павловича. Одновременно съ военной и дипломатической подготовкой миссіи графа Орлова русское правительство предприняло въ Вѣнѣ шаги, свидѣтельствующіе о томъ, что притязанія Россіи на Востокъ простирались гораздо дальше, нежели это можегъ казаться, если основываться на точномъ смыслѣ Ункіарь-Скелесскаго договора. Русскій посоль Татищевъ вручилъ канцлеру „строго-довѣрительную“ ноту (*confidentielle, très réservée*), въ которой царь призывалъ вѣнскій дворъ къ совмѣстному обсужденію и принятію мѣръ на случай гибели Турціи. Нѣсколько позже царь объяснился по этому же вопросу съ австрійскимъ посломъ, Фикельмономъ. Онъ рѣшилъ

1) Цит у Forcade, 237.

2) Меттернихъ Эстергази, 31 мая, *Mémoires de Metternich* № 698, т. IV, стр. 463 франц. изд.